

дерево видеть как дерево
дерево видеть как что-то иное
дерево видеть как зарево
дерево видеть как море
дерево видеть как ниточку —
потяни и распустится шар земной
дерево видеть как девочку
дерево лось подошел к водопою
дерево легкие и во все тяжкие!
дерево боль моя
дерево соль земли
дерево дерево я повстречал тебя
дерево знаешь а все-таки
дерево видишь стою пред тобою как
дерево и прорастаю корнями

Ты иди, ты иди — я пойду за тобой.
По дороге безмолвия стать бы любой,
но к тебе извне бесконечно дико,
это значит, что я — я твоя Эвридика.
Это значит, что ты бесконечный Орфей —
весь земной от земли и до самых бровей,
ну а выше ты, небо — поэзия мира,
и в объятьях твоих стонет новая лира.
Гибнуть было не страшно — страшнее очнуться,
чтобы вполоборота ты взглядом коснулся,
чтобы, снова теряя рассудок и тело, —
вглубь, в зрачки, как в Аид,
без конца,
без предела.

И море встало за окном —
и мир, и мрак, и мор, и морок,
в уснувший дом за пыльной шторой
мерцающим кося зрачком.

И море встало за окном —
мраз, марево, и мощь, и малость,
сняв горечь, что со дня осталась,
с уст спящих жестким языком.

И море встало за окном —
то море — миг, и месть, и милость,
и мука, и, войдя, склонилось
к ребенку памятью и сном.

И море встало за окном,
накрыв собой деревья, крыши,
покуда спят, покуда слышат,
как волны плещутся о дом.

поговорим за жизнь
(много ли сможешь ты за нее сказать?)
и помолчим за смерть
(долго ли я смогу за нее молчать?)
в тесных надеждах в надорванный первоапрель
выйдем вонне из себя в приоткрытую дверь
из скорлупы мира темного круга
в тесных надеждах так жарко так жалко друг друга
поговори за меня
светлым следам на снегу
есть что сказать за тебя
чувствуешь гул
лепета и бормотанья растет за плечами?
слышишь ли
чье-то
прерывистое
молчанье?

городу X

здесь конечно же все пахнет востоком
папоротником кипящим рисом и лотосом
ветер в железных телах водостоков
изнемогает когда распускаются длинные черные волосы
воды
по сутулым плечам тротуаров
и взрываются розовым сакуры ветки
ты как будто бы книги касаешься старой
и ветхой
где тягуче-медлительны мысли и вёсны и зори
и узоры людей иероглифы пишут теней
не сочтешь никогда не прочтешь
не умея мир с конца
лишь зовущему ритму
всей кровью и голосом вторя
на мгновенье удержишься в ней
так тревожные рыбки
всегда восходящего солнца
застревают на стеклах
в оконцах кирпичных сетей

квартира из которой выносят вещи
похожа на рыбу со вспоротым животом
немая прежде теперь она становится вещей
и хрипло кричит деревянным ртом
возле нее на пол вывалена требуха
хлам картины картонки с глухим
постуком книг икрины ваз прочая чепуха
и сорваны занавески — пыльные плавники

рыба гниет с головы а квартира с порога
уже отдает тошнотворным душком пустоты
забвения как мало ей нужно было как много
чтоб остовом жутким книжных полок остыть
черно-зеленый май напряженный и быстрый
кошкой вонзает желтые зубы в сухую спину
рыбы в чреве которой женщина с чистым
профилем ткет полусны

полусны

паутину

Имя

Из вечности в вещь войти и остаться в предметах,
рассыпаться в них или именем собственным стать,
простым палиндромом, читаемым так или этак,
из шероховатости пестрой на строгую гладь

наткнуться и отразиться в себе там, на стыке
согласных, отринуть и разделить на два
ни в чем не согласных из полувопроса и крика,
и снова едина — ОНА — пошатнувшись едва.

Там тень телеграфных столбов у железной дороги,
грохочущей и увозящей по две стороны
болящие А. Это в путах на каторгу ноги
и прочь журавли над чертою китайской стены,

и мечется эхо от возгласа-стона «Осанна!»,
разорванного в многоротой пьянящей толпе,
но Анна есть Анна, по-прежнему Анна есть Анна,
и створки смыкает, став вещь самую в себе.

едоки километров в пропотевших и душных вагонах
что вареный картофель — таящий горячую мякоть
их печаль горяча и на трещинах на изломах
прорывается паром белесая рваная память

что колосья качаются хмурого хлебного поля
зреют думой — землю — которая прежде любила
перекошены все — о, как страшен молчащий от боли
в шелухе своей — где же корни? — лишь версты да мили

ускользанием полнятся поступью после все после
будет солнце в цвету будет сытная сочная почва
и не зря умирали — опять всколыхнутся колосья
и спадет кожа и прозреют туманные очи

но въедается в голос им в мякоть им копотью стоном
перебоем и скомканным временем поезд тяжелый
ездокам безответным за светом бормочет бессонный
что искать не найти этот желтый

подсолнечно-желтый

всю ночь прозрачный шостакович
встает из темного угла
внутри него внутри стекла
слепая музыка клокочет
и разливается

по-птичьи
пред-чувственно и предъ-язычно
рекой

до-словной
бес-конечной

над-человечно
как будто здесь живая мука
как будто не было ни звука
лишь время рушится в зарю
лишь бездны мрачной на краю
парит прозрачный шостакович

.....

я распадаюсь я горю —
крупицы вымысла и числа
непонимания и смысла
всегда-разлука нежность злость
тугие зерна языка —
переплавляются в стекло
звучащее легко

легко —

из зыбкого

меня

песка

с лицом ли дурацким с заумною песней
вслепую возделывать словеса
при жизни духовной да сути телесной
надтреснутым колоколом под бездной
неловко гудеть на все голоса

а если б могла говорила бы нежным
сердечным ласкающим языком
подобным природе подобно прилежным
растеньям в кружавчиках белоснежных
к весне обращенным каждым цветком

чтоб божия тварь и небожия тоже
летела влекома на образ на звук
свое узнавая и то что ей гоже
с лихвой восхваляя лезла б из кожи
иль кроткою птицей кормилась из рук

но все что имею нелепо громадно
а уединения не сулит
грозится распадом коснит беспощадно
дарит отнимает талдычит невнятно
и сам человек на осколки разбит

я движет она ощущаю а нечто
прислушивался отбирая слова
дух ведать не ведал что тело конечно
что в вечность его не пропишешь что вечность
вращает натруженные жернова

Арахна

То, что сумеешь поймать на лету — все — от края до края,
птиц пробудившихся утренний всполох и гам,
слитый в единый комок, и опять двоим, раздираем
город немой — город твой или в жертву векам
брошенный миг — красоту, всю безбрежность,
что разливается, стоит к другим берегам
путнику курс обратить, простоты невозможность

или окрашенный душным и ленным, в полосы синим
полдень, не обещающий больше уже ничего,
меркнувший, что бы его ни просили, о чем ни спросили,
и приходящий бессменно на смену его
вечер высокий и долгий, как песнь иноверца,
переливающий, пьющий, поющий любовь тела, прижатого к телу, всего
пляску биения сердца с биением сердца,

грохот шагов рока вослед, исхолмившего бычьью
вью — все — вытки, сплети заплетающимся языком,
как от вина пьяным стекающей речью,
красною нитью от мира, мятущегося клубком,
но не гордись выделкой тонкой, тканью чудесной, Арахна!
или чудовищем станешь ты в наказание — пауком,
прялкой для темноты, немоты, одиночества, шороха, страха.

Быки Пикассо

мчатся как будто сама красота
напряжены ото лба до хвоста
точно одна черта

в улицах узких крики — быки!
точно мечта — невесомы легки
и от земли далеки

только под ними камни поют
что несомненно сейчас же умрут
станут песком минут!

бычьи тела рассекут пустоту
на две и содрогнется в бреду
воздух — ату! ату!

точно сама красота летят
будто бы не было слова — назад!
будто прощальный взгляд

вперив в пространство кривые рога
не обгаренные кровью пока
в пене и песне бока

и впереди человек — один
воздух — огонь в его узкой груди
время костер впереди!

как он смешно и нелепо бежит
он и не знал что он раньше не жил
что есть лопатки у крыл!

что-то растёт уже больше чем страх
и на сухих расцветает губах
не удержать в руках

это взрывается выросший крик
силу дая и свободу на миг
и тишиною — бык

в улицах узких летит тишина
ночь никогда не выдавшая сна,
в улицах узких — без дна

Из Ники Джорджанели

Лето обернулось комаром.
Гравий нанесло поверх травы.
Прошлое явилось королем,
но сняло корону с головы.

Знай, пока ты радовался, твой
груз возрос, пока ты бередил
сонное пространство, громовой
дважды колокол уже пробил.

Молодость кончается — вот-вот
вспыхнет и погаснет навсегда:
плачешь — но в глаза, наоборот,
вспять идет соленая вода.

Словно дивный сахарный изюм,
мысль жует свой мозг. В который раз,
надо мной, пробившийся сквозь шум,
стонет старости античный джаз.

Расцветает все, что может, даже самый
неказистый неприглядный куст на крыше —
то весна воздвигла знамя над природой:
победитель, собирай свои трофеи!

Парфюмерия твоя не скроет правды,
как беспутная кутила, распускалась,
сколько дел наворотила — воротила,
от чего трещит по швам мошна тугая

и каких себе в подарочек тащила! —
самый цвет рвала охапкой, отбирая,
то гремящих, то тишайших, то любимых,
потрясая временами — именами.

Что ты просишь, беспокойный человечек?
Кто заметит в этом хламе лепестковом?
В этом пьяном птичьем гвалте кто расслышит?
Осторожен будь, не то не то получишь!

Говори же — мне не надо, мне не надо,
мне не надо ничего, что не имею:
ни больших богатств, ни славы своенравной,
ни летящего в ночи автомобиля.

Не хочу болеть высокою болезнью,
не хочу сгорать в огне негодованья,
не хочу страдать душою за отчизну,
не прошу и не зову судьбу иную.

Говори же — что ни скажешь —
все поглотит, все потопит разлитое цветенье,
ничего от человека не оставит —
лепестками каждый след его устелет.

До нутра пронизан утренней прохладой город многолицый,
мускулы напряжил и помчался резво настигать добычу —
из кромешной лета дымовой завесы выступила осень,
подошла вплотную и явила то, что прежде было скрыто.

Снилось мне: над устьем времени иссохшим тишина нависла,
тыщеперых духов воинство умолкло, не звучит природа,
голову подъяло чудище глубинных недр, и возгласило
суеты и страха царство, и пожрало сердцу дорогое.

Просыпаюсь — те же тьма кругом и холод хмурого рассвета —
в облаках тяжелых золото потускло — лучшее из лучших,
змеевые вьются по стеклу потоки, октябрем прижата,
век бы не вставала, ожидая смирно радостного утра.

Но берет и движет жизнь рукой железной — поднимайся, Анна!
собирай крупицы разума и воли, обретай пределы
тела, постигая, с каждым новым вдохом, трудность воскресенья,
и ступай навстречу городу и миру целым человеком.

То, что плоть сминает, что скудит рассудок, речь твою граничит,
неспособно духа вещества живого тлением коснуться.
О грядущем думать даже не пытайся, а когда раздастся:
Ты уже готова к осени конечной? — отвечай не медля!

